

Check for updates

Герменевтика культуры

УДК 801.731

EDN YVCLNU

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-1-34-40>

Теология как наука о данном и насыщенный феномен в концепции Ж.-Л. Мариона

И. И. Докучаев^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования:

Докучаев, И. И.
(2023) Теология как наука
о данном и насыщенный феномен
в концепции Ж.-Л. Мариона.
*Журнал интегративных
исследований культуры*, т. 5, № 1,
с. 34–40. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-1-34-40> EDN YVCLNU

Получена 5 мая 2023; прошла
рецензирование 11 мая 2023;
принята 11 мая 2023.

Финансирование: Исследование
не имело финансовой поддержки.

Права: © И. И. Докучаев (2023).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье анализируется феноменологический проект французского философа Жана-Люка Мариона, получивший название «насыщенный феномен». Насыщенный феномен отличается от бедного тем, что его протенциальная схематизация существенно не соответствует интенциональной наполненной очевидности. К таким феноменам относятся идеальные объекты и привычные объекты. Насыщенный феномен также бывает двух типов. Во-первых, это историческое событие, которое отличается непредсказуемостью и уникальностью. Во-вторых, это теофания — откровение, которое являет Бога в ходе обычного созерцания. Теофания понимается не как данность, или чудо, но как отданность — то есть как особая интерпретация профанного мира в горизонте смысла сакрального мира. Отданность требует от верующего особой настройки внимания и понимания на то, чтобы обнаружить явление Бога в созерцании повседневного мира. В статье предпринята попытка доказать, что насыщенный феномен ничем принципиально не отличается от бедного. В частности, обнаружение уникального исторического события возможно в ходе перенастройки внимания к повседневному миру и не требует особых событий, которые случаются независимо от субъекта. Феномен же теофании вообще нельзя назвать феноменом, поскольку явления Бога как особой смысловой данности не происходит, а происходит все та же перенастройка интерпретации повседневного бедного феномена. В этом смысле историческое событие, которое отличается непредвиденной уникальностью и непредсказуемой смысловой насыщенностью даже более подходит к тому, чтобы быть определенным как насыщенный феномен. Таким образом, не феноменальный, но герменевтический аспект сознания оказывается решающим в том, чтобы определить тот или иной феномен как насыщенный или бедный.

Ключевые слова: Ж.-Л. Марион, теофания, насыщенный феномен, бедный феномен, историческое событие, повседневный мир

Theology as a science of the givenness and J.-L. Marion's saturated phenomenon

I. I. Dokuchaev✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation:

Dokuchaev, I. I. (2023) Theology as a science of the givenness and J.-L. Marion's saturated phenomenon. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 5, no. 1, pp. 34–40. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-1-34-40> EDN YVCLNU

Received 5 May 2023; reviewed 11 May 2023; accepted 11 May 2023.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © I. I. Dokuchaev (2023). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The article analyzes the 'saturated phenomenon'—a phenomenological project of the French philosopher Jean-Luc Marion. A saturated phenomenon differs from a poor one in that its potential schematization essentially does not correspond to intentionally filled evidence. These phenomena include ideal objects and habitual objects. Saturated phenomena are also of two types. First, this is an unpredictable and unique historical event. Second, it is a theophany—a revelation that reveals God in the course of ordinary contemplation. Theophany is understood not as a given, or a miracle, but as surrender, i. e., as a special interpretation of the profane world in the horizon of the meaning of the sacred world. Devotion requires a believer to have a special focus on attention and understanding in order to discover the manifestation of God in the contemplation of the everyday world. The article attempts to prove that a saturated phenomenon does not fundamentally differ from a poor one. In particular, the discovery of a unique historical event is possible in the course of reconfiguring attention to the everyday world and does not require special events that happen independently of the subject. The phenomenon of theophany cannot be called a phenomenon at all since the appearance of God as a special semantic given does not occur; instead, the same reconfiguration of the interpretation of the everyday poor phenomenon takes place. In this sense, a historical event that is distinguished by unforeseen uniqueness and unpredictable richness of meaning is even more apt to be defined as a rich phenomenon. Thus, not the phenomenal, but the hermeneutic aspect of consciousness is decisive in determining a phenomenon as rich or poor.

Keywords: J.-L. Marion, theophany, saturated phenomenon, poor phenomenon, historical event, everyday world

Ж.-Л. Марион вошел в историю феноменологии как философ, пытавшийся расширить ее предметную область. В частности, он известен своей знаменитой концепцией насыщенного феномена (Марион 2014). В одноименной работе он писал: «Все феномены можно разделить на три основные сферы в зависимости от содержания в них созерцания — от наименьшего к наибольшему. Во-первых, это феномены, лишённые созерцания или бедные созерцанием: формальные языки (Гуссерль приписывает им категориальное созерцание), математические идеализации (Кант установил для них чистое созерцание). Во-вторых, обычные феномены: в идеальном случае их значение, которое соответствует интенции, может получить адекватное наполнение созерцанием, однако в большинстве случаев этого не происходит. В этих двух сферах конституирование предметов становится возможным именно потому, что нехватка созерцания обеспечивает понимание, предвидение и воспроизведение. Наконец, в-третьих, имеются также насыщенные феномены, которые ускользают от предметного конституирования

в силу избытка созерцания. Для удобства их можно разделить на два типа.

Чистые исторические события — они по определению неповторимы и, как правило, оказываются непредвиденными. Поскольку вследствие избытка созерцательной данности они избегают опредмечивания, их разумность не подразумевает понимания, однако предполагает герменевтический подход. Насыщение созерцанием преодолевает единый горизонт и заставляет обращаться ко множеству герменевтик во множестве горизонтов. Наконец, когда со свидетелем случается чистое историческое событие, он не только не понимает его (Я не конституирует), но, наоборот, сам оказывается понят событием (Я конституировано). Я понимает себя исходя из события, которое случается с ним, — и лишь в той мере, в которой само оно не понимает события. Чистые исторические события представляют собой тип исторически насыщенных феноменов — следовательно, это феномены сообщества, феномены принципиально сообщаемые.

С феноменами второго типа, феноменами откровения, дело иногда обстоит иначе. Повторим, что под «откровением» мы здесь понимаем строго феноменологическое понятие — это чистое явление себя и из себя, возможность которого не зависит ни от какой предварительной детерминации. Такие феномены, данные в откровении, случаются главным образом в трех областях. Во-первых, картина, то есть зрелище, которое невозможно конституировать вследствие избытка созерцания, но на которое все же можно смотреть (идол). Во-вторых, любимое мной лицо, которое становится невидимым не только оттого, что ослепляет меня, но и потому, что я не хочу и не могу видеть в нем ничего, кроме его невидимого взгляда, который для моего собственного взгляда слишком тяжел (икона). Наконец, теофания, в которой избыток созерцания приводит к парадоксу: невидимый взгляд пристально глядит на меня с любовью. Именно в этом последнем случае мы можем поставить вопрос о возможности феноменологии религии пусть и не в новых (ведь речь идет лишь о том, чтобы довести до конца саму интенцию феноменологии), но ясных и простых терминах» (Марион 2014, 97–98).

Эта замечательная классификация требует действительного учета в дальнейших феноменологических исследованиях, ибо она позволяет уловить ряд плохо исследованных особенностей феноменов, то есть ноэтико-ноэматических корреляций. В самом деле, феномены могут быть лишены чувственного созерцания, но тогда не очень понятно, что в них феноменального. Всякий феномен конституируется, то есть констатируется постольку, поскольку сознание не зависит от впечатляющей его реальности, но при этом еще и конструируется, поскольку даже первоимпрессия становится актуальной в силу ее оформления сознанием. Если мы представим себе ситуацию чистого конструирования, как в обозначенных случаях или в фантазии, то тогда мы должны будем найти эквивалент созерцанию, чтобы сохранить феноменальный характер этой деятельности. И такой эквивалент действительно есть. Это память. Еще Аристотель говорил о том, что всякое понятие, даже если оно не имеет чувственно воспринимаемой материи, имеет умопостигаемую материю. Математические идеи, философские категории оформляют именно такую материю, которая констатируется и затем или вместе с тем конструируется. Можно еще указать на тот факт, что всякая работа такого рода осуществляется, если и не в пространстве, о чем можно дискутировать, то точно во времени. О фантазии

я уже не говорю, потому что образный арсенал памяти выступает очевидной материей ее форм.

Перейдем к дивергенции бедных и насыщенных феноменов (то есть второго и третьего типа). Невозможно не обратить внимание на то, что действительно такое различие существует, ибо имеются феномены, которые не привлекают нашего внимания и сводятся к предвидению, насыщаемому очевидностью ровно в той мере, в какой наша предварительная схема к этому готова. То есть такие феномены не воспринимаются во всей полноте их возможного созерцания и редуцируются к схеме. Они бедны не потому, что у них нет никакого богатства, а потому, что на это богатство мы не обращаем внимания. Когда Ж.-Л. Марион переходит к описанию насыщенных феноменов, он фактически указывает не на особую предметность или свойства их форм, но на ноэтическую структуру феномена, предполагающую повышенное внимание к ним. Конечно, можно говорить о том, что в этой отмеченной предметности можно обнаружить некоторые специфические черты, позволяющие обратить на себя внимание, приковывающие это внимание, но дело не только и не столько в них, сколько в самом внимании. Особенно важно в этой связи обратиться к различию исторических событий и бедных феноменов, именно здесь очень хорошо заметно то, что именно усилие внимания превращает бедный феномен в насыщенный. Всякий феномен обладает неисчерпаемым и непредвиденным содержанием, но именно наличие внимания к нему увеличивает эту неисчерпаемость и непредвиденность, а точнее актуализирует, тогда как отсутствие внимания снижает и даже убивает их.

Несколько сложнее обстоит дело с картиной и любимым человеком. Конечно, произведение искусства настраивает внимание на интенсивную работу, приковывает внимание и вынуждает его насытить содержание феномена, а точнее открыть непредвиденное и неисчерпаемое содержание произведения искусства. Однако зачастую этого не происходит, если картина не вызвала интереса, если зритель не подготовлен и не способен распознавать ее содержание, оно обедняется и превращается в обычный схематизируемый артефакт, то есть феномен совершенно не насыщенный. То же самое можно сказать и о любимом лице. Именно до тех пор, пока любимый любим, он вызывает интерес, обращает на себя внимание, общение с ним или любовь к нему делают его лицо неисчерпаемым источником содержания, такое общение оказывается бесконечным приобщением одного

человека к другому. Но стоит только привыкнуть к любимому или разлюбить его, как сразу содержание его лица, личности, тела, действий обедняется и сводится к схеме. Иными словами, все эти три типа насыщенных феноменов насыщены не потому, что представляют собой какую-то особую предметность, но потому, что обращают на себя особый тип ноэсиса — пристальное внимание.

Однако четвертый тип насыщенного феномена — действительно особое ноэматическое событие. Теофания переживается не каждым, никакое внимание не способно вызвать этот опыт. Жития святых и наставления йогов учат нас, что особые практики подготовки ко встрече с потусторонним миром могут привлечь этот мир и раскрыть его нам в эмпирическом явлении, вписать в привычную реальность опыт теофании, но это ничем не гарантировано. Если Бог не захочет явить себя, никакие собственные усилия человека не помогут ему достичь такого общения. Это благодать и призвание, а не результат тренинга или случайность. Сложно говорить о том, какова природа подобного опыта, он остается для феноменологии своеобразным мысленным экспериментом, основанным на отчетах других. Хотя всякий опыт индивидуален и о нем сложно сообщить что-либо другому, есть повторяющийся и однотипный опыт, и есть максимально уникальный, среди вариантов которого именно теофания и иные формы переживания потустороннего мира относятся к наиболее сложно представляемым себе событиям из жизни Другого. Однако если бы такое событие случилось, оно в любом случае привлекло бы к себе внимание в силу его неординарности, или чудесности. Конечно, можно утверждать и то, что теофания происходит часто, но опять-таки не всякий ее заметит (и в этой слепоте виноват он сам), но это утверждение следует числить по разряду метафорических, ибо если теофания не была замечена, нет оснований полагать, что она случилась, и именно потому, что она случилась, ее невозможно не заметить.

Таким образом, первые три варианта насыщенных феноменов почти неотличимы от бедного феномена, а последний вариант — фактически есть ничто иное, как мысленный эксперимент, а не феномен. Показательно, что Ж.-Л. Марион говорит в связи с этим не о теологии, а о феноменологии религии, то есть философии. Это различие существенно, ибо теофания не есть феномен теологический, это просто феномен, переживаемый человеком вне зависимости от того, верит ли он в потусторонний мир или

Богов, или нет. Однако теология как своеобразный опыт также становится предметом исследования Ж.-Л. Мариона в другой работе, как раз посвященной демаркации теологии и феноменологии (Марион 2011). Концепция насыщенных феноменов вообще и теофании в частности остается, тем не менее, ключевой и для этой демаркации.

В названной только что работе Ж.-Л. Марион показывает, как теология сменилась метафизикой, а метафизика феноменологией, уделяя внимание тому, каким образом транслировалось в ходе такой смены представление (понятие) о Боге. Эта триада «теология — метафизика — феноменология» очень напоминает другую триаду, которую придумал О. Конт: «религия — философия — наука». Однако в триаде Мариона члены в значительно большей мере сопоставлены, чем в триаде Конта, где противопоставление важнее сходств. Вместе с тем, теология отличается от метафизики именно своим герменевтическим характером (Конт вслед за Кантом назвал бы его скорее догматическим, то есть основанным на вере), а метафизика от феноменологии — спекулятивным (то есть основанным на умозрительной абстракции), тогда как феноменология оказывается своего рода философским аналогом позитивных наук (то есть основанным на переживании явления опытом).

Метафизика как наука о сущем вообще и сущем по преимуществу (Боге, душе и природе) ставится Марионом под сомнение в результате следующего размышления: «если метафизика определяется как идея универсального основания, она не может не исчезнуть, когда очевидность необходимости основания сущего поставлена под вопрос» (Марион 2011, 129). Вместе с тем такой вопрос имеет теологический, а не метафизический характер. Совершенно не обязательно определять метафизику как идею универсального основания, достаточно говорить о ней как о науке об априорном, то есть не зависящем от опыта характере сущего, обязательном для всякого сущего. Вопрос о причине есть вопрос теологический, показывающий, что исходная причина не может быть ничем иным, кроме как Богом, герменевтическая трактовка которого на основании священного писания становится условием различных метафизических спекуляций в теологии. Вместе с тем, и метафизика, понятая как установление универсальных категорий и априорных понятий, также страдает спекулятивной абстрактностью, то есть кажущейся обоснованностью снизу, со стороны сущего, подменяемой всякий раз различными совершенно не связанными с сущим логическими

доктринами (вроде диалектики Гегеля или Фихте). Конец теологической метафизики не есть еще конец метафизики вообще (это сегодня успешно доказывается спекулятивным реализмом и онтологией множественности).

Вместе с тем конец теологической метафизики абстрактных причин очевиден, и здесь нельзя не согласиться со следующим тезисом Мариона: «если смерть Бога в философии связана с концом метафизики, а он, в свою очередь, следует из понятия метафизики, то преодоление онтотеологии в таком случае является условием для преодоления в философии именованного Бога действительным основанием» (Марион 2011, 131). Однако сам вопрос о причинах сущего вполне легитимен, только ответ на него лежит не в плоскости теологических спекуляций. Марион находит его решение в сфере феноменологии: «...феноменология полностью преодолевает метафизику, поскольку, признавая данность первоначальной, она избавляется от любого принципа априори несмотря на то что данность является a posteriori по отношению к тому, кто получает. Феноменология превосходит метафизику, поскольку она отказывается от трансцендентального проекта, позволяя развернуться радикальному эмпиризму — наконец радикальному, потому что он более не ограничивается чувственным созерцанием, но признает любое созерцание первоначально дающим» (Марион 2011, 133).

Конечно, можно было бы поспорить о терминах, ибо феноменология в полной мере претендует на то, чтобы быть знанием трансцендентальным и априорным. Сфера феноменологических созерцаний есть такой радикальный эмпиризм, который и называется трансцендентальным; а результаты феноменологической редукции и есть априорное знание. Но дело не в словах, ибо суть тезиса Мариона заключается в том, что благодаря феноменологии философия получила доступ к опыту эйдетического, минуя всякий теологический и спекулятивный догматизм. Созерцание эйдоса как данного в опыте рефлексии — вот основное открытие феноменологии, сделавшее ее способом преодоления метафизики и теологии. И даже спекулятивный реализм и онтология множественности, несмотря на абсолютность их результатов, не в состоянии избежать радикального сомнения, предложенного феноменологией и преодоленного только ею.

Теперь можно вернуться и к проблеме Бога в феноменологическом измерении, то есть к возможности феноменологической теологии. Невозможность теологии в традиционном ее

смысле для феноменологического исследования Марион определяет так: «Если первоначальная данность выявляет (délivre) (отдает, дает) сущее как данное-сущее и таким образом освобождает (délivre) (отпускает) его от всякой необходимости в основании, невозможно мыслить Бога как основание этого сущего» (Марион 2011, 136). Размышляя о феноменологической теологии, Марион кратко описывает три традиционных предмета метафизики (Бога, душу и космос) как феномены и показывает, что классическая феноменология мира прояснила сущность космического, однако феноменологическая эгология должна быть скорректирована концепцией преимущества Другого над Я, открытой Э. Левинасом. С этим невозможно согласиться, ибо концепция Другого как предпосылки для Я не является феноменальной, но она есть типичная умозрительная дедукция, мысленный эксперимент, вторичный по отношению к феномену собственного Я как опыта структурирования, фокусирования мира и как опыта господства мочь в собственном теле. Но этот момент не является предметом настоящего обзора, и следует обратиться к финальной части работы Мариона — феноменологии религии, которая конструируется вокруг уже описанного феномена Бога — насыщенного феномена четвертого типа — теофании.

Ж.-Л. Марион так определяет суть теофании как феномена и предмета феноменологии: «Если мир может быть определен как то, что является как данное-сущее в целом, если другой может обозначать для меня то, что является как самое близкое данное-сущее, тогда Бога следовало бы определить как данное-сущее по преимуществу» (Марион 2011, 140). Это данное сущее обладает характером данности, то есть оно феноменально, оно является и конституируется в рефлексии как эйдос, то есть уникальное и поистине сущее. Но оно также сущее по преимуществу. И здесь Марион говорит о теофании как максимуму насыщенности ноэватического содержания феномена непредсказуемостью и бесконечностью. Это идея максимума очень хороша, но она опять же страдает умозрительностью. Я хочу подчеркнуть, что опыт теофании мало кому удалось пережить. По крайней мере, мне, к сожалению, не удалось. А значит, и этого вполне достаточно, для моего вывода о том, что такой опыт не есть феномен. И это также означает, что даже такая оригинальная и остроумная, можно сказать больше, глубокая попытка синтеза феноменологии и теологии обречена на неудачу. Умозрительный, а не феноменальный характер подобного опыта хорошо заметен

в характеристике, которую сам Марион дает этому явлению: «Данность по преимуществу в случае Бога предполагает, что он дан без ограничений и без остатка. Бог дается не частично, в том или ином аспекте, подобно конституируемому объекту, который предлагает интенциональному взгляду лишь ту свою сторону, которая является чувственно видимой, оставляя за адекватной презентацией обязанность дать то, что не дается. Бог дается абсолютно, без малейшего остатка или какого-либо наброска, каждой своей стороной, подобно непредметам, которые раскалываются в кубистской живописи, позволяя, несмотря на ограниченность перспективы, всем своим сторонам располагаться рядом друг с другом» (Марион 2011, 140). Когда Марион, развивая эту мысль о данности без остатка, приходит к мысли о том, что Бог именно в силу абсолютной отданности и не может быть замечен феноменально, он явно хитрит, понимая, что феномен Бога невозможен, но все-таки пытается сохранить обреченную на неудачу концепцию путем построения парадоксов: «...данность по преимуществу может легко превратиться в данность как отданность. Феноменальность, присущая данному-сущему, абсолютна, без остатка, и, поскольку она невидима, за ней никогда не будет признан статус феномена. Феномен по преимуществу рискует, именно в силу этого преимущества, так и не явиться, остаться отданным» (Марион 2011, 141).

Кроме того, нельзя забывать и о том, что еще в самом начале мы сказали о разнице между теологией и феноменологией религии. Несмотря на общность этих проектов, заключающуюся

в том, что и тот, и другой расположены в сфере переживания, а не спекулятивной абстракции философии религии, феноменологические и религиозные переживания принципиально отличаются. Первое есть результат свободного сомнения, а второе — доверия традиции и индивидуальной веры в Бога. Эта разница еще более важна для понимания принципиальной невозможности феноменологической теологии, чем умозрительный характер теофании. Ж.-Л. Марион и здесь, оставаясь великим философом, понимает проблему, но старается ее дезавуировать: «Граница между феноменологией и теологией проходит между откровением как возможностью и откровением как историчностью» (Марион 2011, 142). То есть теофания как феномен все-таки оказывается теологическим феноменом, для феноменологии же она остается только возможностью. Что и требовалось доказать.

Остается только красиво завершить весь этот разговор цитатой из Ж.-Л. Мариона: «Когда данное-сущее становится милосердием (любимым или любящим сущим или же возлюбленным в прямом смысле слова), феноменология уступает теологии откровения» (Марион 2011, 143).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

- Марион, Ж.-Л. (2011) Метафизика и феноменология — на смену теологии. *Логос*, № 3 (82), с. 124–143.
 Марион, Ж.-Л. (2014) Насыщенный феномен. В кн.: С. А. Шолохова, А. В. Ямпольская (сост.). *(Post)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами*. М.: Академический проект, с. 63–99.

References

- Marion, J.-L. (2011) *Metafizika i fenomenologiya — na smenu teologii* [Metaphysics and phenomenology—a relief for theology]. *Logos*, no. 3 (82), pp. 124–143. (In Russian)
 Marion, J.-L. (2014) *Nasyshchennyj fenomen* [Saturated phenomenon]. In: S. A. Sholokhova, A. V. Yampol'skaya (comp.). *(Post)fenomenologiya: novaya fenomenologiya vo Frantsii i za ee predelami* [(Post)phenomenology: A new phenomenology in France and beyond]. Moscow: Akademicheskij proekt Publ., pp. 63–99. (In Russian)

Сведения об авторе

Илья Игоревич Докучаев

SPIN-код: 6082-3212, Scopus AuthorID: 57195837222, ResearcherID: K-8453-2015, ORCID: 0000-0002-0506-2927, e-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru

Доктор философских наук, профессор, профессор кафедры зарубежной литературы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Author

Ilya I. Dokuchaev

SPIN: [6082-3212](#), Scopus AuthorID: [57195837222](#), ResearcherID: [K-8453-2015](#), ORCID: [0000-0002-0506-2927](#),
e-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru

Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Professor, Department of Foreign Literature, Herzen State Pedagogical University of Russia